

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Стенограмма

**КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО АКТУАЛЬНЫМ
ВОПРОСАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ**

5 июля 2016 | Москва

МОДЕРАТОР:

Андрей Мовчан, директор программы «Экономическая политика» Московского Центра Карнеги

Маркус Эм: Дорогие дамы и господа, уважаемый господин Мовчан, огромное спасибо за гостеприимство, за организацию! Наше сотрудничество меня очень радует, мы уже две недели назад начали работать вместе, с госпожой председателем, профессором Менде и заместителем председателя Маркусом Фербером. В этот раз мы собрали порядка десяти молодых баварских политиков, преимущественно это обладатели муниципальных мандатов со всей Баварии. У нас в гостях и представители баварского министерства финансов, а также полиции. Дискуссии с делегацией ведутся с воскресенья и до завтрашнего дня. Вчера мы были в Ярославле, там мы посетили областную думу, а сегодня, например, нас посетил господин Лев Гудков. Также мы были в московском правительстве у заместителя министра иностранных дел, а теперь с гостевым визитом мы находимся и у вас. Таким образом, у нас получилось очень разносторонняя группа собеседников, каждый из которых находится в разной степени близости к обсуждаемым темам. Давайте всех поприветствуем! А затем господин Ульрих Зойберт представит нам свой доклад.

Андрей Мовчан: Добрый день! Огромное спасибо всем, кто пришел: и немецкой делегации, и нашим российским гостям. Очень приятно, что наши встречи пользуются такой популярностью. Будем надеяться, что информация, которая на них прозвучит, будет действительно важна и интересна. Я, наверное, больше в данном случае представляю хозяйственную сторону. Хочу обратить внимание всех, что за спиной у нас есть немножко еды и немножко кофе с чаем, что может пригодиться в процессе дискуссии.

Если я правильно понимаю, то у нас будет два отчетных доклада, один с немецкой стороны про ЕС и Германию — и, наверное, там будет тема Brexit, должна прозвучать как-то, да? Потому что в России, как ни странно, даже больше, чем футболом, сейчас интересуются темой Brexit.

Я со своей стороны могу рассказать что-то, что знаю про экономику России и про наш взгляд на взаимодействие с ЕС, с Германией, про пророссийский взгляд на Brexit, а дальше, поскольку это будут короткие выступления, дальше будет время для того, чтобы говорить и задавать вопросы. Я хотел бы призвать всех делать это в зависимости от собственного желания. Вопросы приветствуются, и выступления тоже приветствуются, это такой круглый стол прямоугольной формы, в том смысле что вне зависимости от формы стола мы ждем выступления каждого и каждый отвечает на вопросы, которые могут быть и будут заданы. Ну и Маркус, как человек опытный в модерации, наверняка будет контролировать процесс так, чтобы все было содержательно и в соответствии с немецкими правилами порядка. Спасибо!

Маркус Эм: Большое спасибо! Справа от тебя сидит доктор Ульрих Зойберт, по профессии он экономист, работает во Франкфурте-на-Майне, в немецкой банковской столице. Его текущая деятельность связана с управленческим консалтингом в компании McKinsey, где в его компетенцию входят банковские вопросы и страхование. И сейчас он поделится с нами некоторыми тезисами относительно экономической ситуации в Германии.

Ульрих Зойберт: Да, огромное спасибо за приглашение, за ваше гостеприимство, благодарю вас за возможность выступить здесь со своими мыслями. Я бы хотел заранее вам сказать, что то, что я скажу, это исключительно мое мнение — и оно никоим образом не связано с позицией компании McKinsey, в которой я работаю. Ввиду огромного числа вопросов, связанных с мировой экономикой, я бы предложил остановиться на следующих трех темах: я хочу поговорить о переходе на возобновляемые источники энергии в

Германии, о дигитализации экономики и о политике низких процентных ставок ЕЦБ, что плавно приведет нас к теме Brexit.

Итак, давайте поговорим об энергетической политике. Она представляет собой переход от продолжительного использования традиционных энергоносителей, таких как ядерная энергия, к экологичному энергообеспечению за счет возобновляемых источников. Нельзя сказать, что для Германии это новая идея — об этом там заговорили еще в 1990 году. И самыми важными этапами были, конечно, правление Красно-зеленой коалиции под руководством Герхарда Шредера, решение, принятое после событий на «Фукусиме», отказаться от использования ядерной энергии, приход к власти канцлера Ангелы Меркель. Между тем доля используемой из возобновляемых источников энергии составляет в Германии порядка 30% от общего объема потребляемой энергии. Конечно, потребляются и другие виды энергии в промышленности, транспортной сфере, в домохозяйствах. Если же не контролировать количество жидкого топлива, используемого для отопления, то потребление нефти в целом будет оставаться стабильным. Но уже видны стремления обеспечить более существенную изоляцию квартир с целью недопущения потери тепла. На протяжении многих десятилетий Германия ощущает энергетическую зависимость от России. Так, в 2014 году Россия стала главным энергетическим поставщиком, предоставив Германии порядка 30 млн тонн нефти. Норвегия заняла в этой связи второе место, поставив только лишь 15 млн тонн. Что касается газа, то Россия смогла обеспечить им Германию на 40% необходимого ей объема. Обеспечение стабильных энергетических поставок — это, по сути, главное стремление немецкой политики, доказательством чему является, к примеру, «Северный поток». Во многих восточноевропейских странах, в Польше или на Украине, было выражено много недовольства по поводу строительства потока, и за счет энергетического переворота европейские сообщества все больше испытывают на себе экономическое давление. Очень любопытно, как будут развиваться события дальше: видно, например, как такие российские компании, как «Газпром», пытаются более прочно укрепиться на немецком рынке, например за счет участия в спонсорстве немецкой футбольной команды «Шальке-04».

Второй момент, на котором я бы хотел остановиться, это дигитализация экономики. Если подумать об интернет-компаниях, то на ум приходят Google, MSN, Facebook, Amazon. Здесь как у Германии, так и у России наблюдается повышенный спрос. К тому же, казалось бы, давно закрепленные за Германией компетенции, например в автомобилестроении, находятся под угрозой. Если программное обеспечение автомобилей выходит на передний план, есть риск того, что BMW и Audi могут превратиться в подобие компании Foxconn, которая, собственно, является производителем iPhone Apple. Никто Foxconn не знает, но они действительно производят телефоны. IT-сфера, кстати, тоже относится к группе отраслей, в которых баварская экономика не представлена мощными компаниями. Для России дигитализация может иметь еще более серьезные последствия, так как влияние полезных ископаемых и дальше будет снижаться. Наряду с этим Восточная Европа испытывает опасения в отношении российских IT-технологий. К примеру, в 2007 году в Эстонии имели место кибератаки на парламент, банки, министерства, которые были приписаны близким к Крыму организациям. В этой связи у России появляется шанс обратиться к так называемым охранным организациям с мировым именем, как это уже сделал, например, Израиль. Германия же могла бы обратиться в «Лабораторию Касперского», но прежде нужно выстроить полное доверие, чтобы сделать это возможным.

Третий пункт, который я бы хотел затронуть, это политика низких процентных ставок ЕЦБ. Как вы уже, наверное, знаете, на данный момент процентная ставка в Европе

составляет 0%. Это значит, что банки могут брать деньги в долг у Центробанка бесплатно. Доход от средств, которые Германия занимала за последние десять лет, является отрицательным. Причина в том, что уровень инфляции в Европе, по идее, должен быть около 2%. Это значительная разница по сравнению с 15% в России. Поэтому в Германии все больше людей опасаются за свои пенсионные накопления. А вместе с этим цены на недвижимость растут, поскольку все больше людей могут себе позволить покупку недвижимости за счет низких процентов. Для банков и страховых компаний это означает снижение стабильности, вследствие чего должны быть введены дополнительные комиссии с клиентов. Есть мнение, что низкие процентные ставки связаны с низким экономическим ростом, обусловленным немолодым и стареющим населением Европы. Если посмотреть на Россию, то мы увидим огромную потребность в инвестициях, и здесь Европа могла бы рационально использовать свои финансовые средства — как для своей выгоды, так и на благо России. Недавно стало известно, что прямые инвестиции Германии в Россию возросли, причиной чему явились экономические санкции. Экспорт немецких компаний упал, поэтому они стали строить предприятия сразу на территории России. Но я думаю, что для экономических отношений было бы лучше, если бы этих санкций не было и оба государства стремились бы к нормализации обстановки. На этом я бы остановился. Я думаю, у нас есть три темы, которые мы можем обсудить и плавно перейти к Brexit.

Маркус Эм: Большое спасибо, Ульрих Зойберт! Были озвучены три ключевых элемента, которые оказывают значительное влияние на экономическую ситуацию в Германии. Я кратко повторю их еще раз: энергетическая политика, дигитализация экономики и политика низких процентных ставок ЕЦБ. А теперь позвольте передать слово господину Андрею Мовчану.

Андрей Мовчан: Маркус, спасибо! Спасибо за интересную информацию! То, что я услышал,шний раз показывает, насколько по-разному мы подходим к тому, что является ключевыми проблемами в экономике, и даже глядя друг на друга, мы видим, наверное, не те проблемы, которые видим сами у себя. Если говорить два слова об экономике России, то в связи с существенным изменением стоимости энергоносителей на внешних рынках в 2014 и 2015 годах в России резко изменился объем экспорта в монетарном выражении, и изменения объема экспорта в стране, которая болела до этого классической голландской болезнью, связанной с избытком доходов от углеводородов, привело к достаточно стандартным последствиям. Оказалось, что практически все отрасли экономики были катализированы деньгами, получавшимися от экспорта углеводородов, и падение того экспорта привело к резкому падению деловой активности во всех сферах, в том числе и в неуглеводородном экспорте тоже. Вся экономическая система и финансовая система оказались не готовы к такому серьезному изменению, и преобразования, которые происходили, они были естественными, они были не смоделированными властью, власть на эти два с половиной года устранилась фактически от проведения каких бы то ни было изменений в стране, и они привели к тому, что российская экономика в долларовом выражении сократилась почти в два раза, в рублевом выражении она сократилась примерно на двадцать процентов в реальных цифрах, и где-то, наверное, к весне, к этому лету 2016 года она вышла на новое устойчивое состояние, на значительно более низком уровне, естественно, значительно менее диверсифицированном уровне и значительно менее ресурсоемком при этом уровне. Но тем не менее, добравшись до состояния, которое уже нельзя называть кризисом и которое скорее можно назвать состоянием стабильной структурной рецессии, рецессии не катастрофической, рецессии, которая вряд ли будет в скорости своего падения превышать один-два процента по ВВП в год, в ближайшие годы рецессии, которая не связана с гиперинфляцией. Мы за счет действий монетарных властей сумели избежать стагфляции, опасность которой где-то год назад была налицо, инфляция

сейчас в России не пятнадцать процентов уже, а около восьми процентов, и, скорее всего, она будет еще падать. Это не свидетельство здоровья экономики, конечно, это скорее свидетельство потери в экономике экономического стимула к росту. Точно так же, как и низкая температура больного не всегда свидетельствует о здоровье, иногда [это] свидетельство обратного. Но тем не менее это один из факторов, который поддерживает стабильность, и если рассуждать о России как об экономическом партнере на будущее, то, скорее всего, надо иметь в виду, что спрос домохозяйств в России низок и будет продолжать падать, государственный спрос будет продолжать падать, и тому есть уже подтверждение на полузаконодательном уровне — буквально сейчас правительство принимает решение о заморозке номинального размера расходов бюджета. По некоторым крупным статьям бюджет в номинальном выражении уменьшается на ближайшие годы — это стратегия до 2020 года. Безусловно, речь со стороны России не идет об иностранных инвестициях вовне, я имею в виду, скорее в государственных программах на сегодня не рассматриваются масштабные инвестиции извне как возможный вариант развития экономики. Так же точно, как на повестке дня, несмотря на всю риторику, не стоит вопрос об экономических изменениях. Достаточно четко занятая государством позиция состоит в том, чтобы менять минимум и гибко реагировать на мелкие проблемы мелкими же решениями, стараясь ни в коем случае не изменить статус-кво, который привел к стабильности и который пугает значительно меньше, чем любое крупное изменение. В отношении взаимодействия с Европейским союзом Россия уже много лет является европейской Мексикой, это важная часть взаимодействия в Европе, это основной поставщик углеводородов и, что значительно меньше замечается, но что очень важно, это и основной покупатель стратегического оборудования в Европе, в том числе систем телекоммуникации, транспорта, инфраструктуры, связи и так далее. В данном случае не только Европа в той или иной степени зависит от российских поставок углеводородов, но и Россия, естественно, косвенно зависит в этом смысле в плане получения валюты. Но и сама Россия также очень сильная и намного сильнее зависит, кстати, от Европы в поставке сложной техники, сложного оборудования. В принципе, если бы Европа по какой-то чудесной причине прекратила эти поставки, то российская инфраструктура вряд ли смогла бы просуществовать больше года. В этом смысле Россия и Европа связаны очень сильно, связь эта на сегодняшний день не вступает ни в какой конфликт с политической составляющей, политическое отношение между Европой и Россией тоже очень тесное и очень позитивное. Я бы не стал обращать внимание на внешние их проявления, на риторику, на санкции, которые, в сущности, мало что меняют в экономике и в политике. Я бы скорее смотрел на реальные крупные торговые проекты и взаимодействие, в частности на упомянутый North Stream, это очень серьезный проект, в этом проекте есть много деталей, которые выгодны обеим сторонам, в частности то, что российская сторона будет платить и платить по первым ниткам, и будет платить по остальным фиксированную цену за транзит, не зависящую от объема транзита газа. Россия готова была пойти на такое соглашение в основном потому, что большей частью консорциума является швейцарский «Газпром», и поток прибыли, который идет на швейцарский «Газпром», безусловно, является непрозрачным для России, он уходит куда-то дальше в Европу, и во второй части этого проекта Германия, безусловно, тоже заинтересована не только как в системе газообеспечения, но и как в проекте, который дает Германии роль диспетчера, который и повышает статус внутри Европы, и дает возможности дополнительного зарабатывания. И в этом смысле, насколько я знаю, здесь, может быть, меня коллеги поправят, немецкий бизнес очень сильно поддерживает этот проект, хочет, чтобы он развивался так же, как и многие другие российско-германские проекты. Потому что, конечно, абсолютно правильно было замечено, на мой взгляд, что, притом что в Европе существует огромный избыток денег, и этот факт, что реальные ставки по рефинансированию на два процента ниже реальной инфляции, показывает, что действительно избыток денег становится

критическим, а Россия, если отвлечься от сегодняшних высоких рисков и неспособности экономики деньги принимать, является страной, в которую можно вложить если не триллионы, то точно сотни миллиардов евро с высокой отдачей, и основная задача в данном случае тех, кто вкладывает, это обеспечить условия, при которых риски будут ниже, а основное условие в международных отношениях в такой ситуации — это, конечно, согласие и активное сотрудничество, и именно такое сотрудничество снижает риски межправительственных отношений. И в этом смысле, конечно, Евросоюз в этом заинтересован намного больше, чем США. У США с тридцатью миллиардами долларов товарооборота в год с Россией есть возможность больше обращать внимание на политическую составляющую, на вопросы морально-этические. У ЕС такой возможности меньше и значительно больше интересов чисто торговых отношений. При этом надо не забывать, что уже и на сегодня, если посчитать статистику, отношение российского экспорта в Европу, российского торгового оборота с Европой к российскому ВВП находится на том же примерно уровне, что, скажем, у Польши, или у Великобритании, или у Италии. Это говорит о том, что, если мы отвлечемся от политической конструкции, с торговой точки зрения Россия является абсолютно полноправным партнером в Европейском союзе, несмотря на то что существуют таможенные барьеры, и барьеры стандартизации, и проблемы транспортных издержек, и проблемы политические. В этом смысле, если бы удалось тем или иным образом снять проблемы, которые дискриминируют Россию в отношении торговли с Евросоюзом по сравнению с другими странами Евросоюза, конечно, Россия могла бы быть одним из наиболее важных торговых партнеров внутри объединения и играть ключевую роль в этом взаимодействии. И неслучайно, что то, что там я лично сейчас вижу, скажем, как человек, занимающийся экономикой в России, многочисленные организации в Европе, государственные и окологосударственные, заинтересовались темой возможного позитивного и продуктивного совмещения интересов Евразийского союза и ЕС. Я сейчас, в частности, веду одну из тем — работа для крупной европейской организации, которая просто заказала исследование на тему оптимизации взаимоотношений третьих стран одновременно с Евразийским союзом и с ЕС с явной целью предложения Брюсселю каких-то вариантов по гуманизации и оптимизации системы взаимодействия между двумя объединениями. И конечно, было бы очень хорошо, если бы эта работа двигалась вперед и если бы эти процессы происходили. Я думаю, судя по тому, насколько озадаченное, парализованное российское правительство с точки зрения развития экономики текущей ситуации, что выход в сторону дальнейшей интеграции с Европейским союзом был бы желанным решением в конечном итоге. И в конце концов, политические проблемы на сегодня не так велики, и, наверное, еще пара лет российской стагнации, особенно если Евросоюзу удастся преодолеть проблемы, связанные с текущими внутренними сепаратистскими тенденциями, и российское руководство будет значительно более готово к подобному диалогу. Я думаю, что исчерпал свой лимит времени и опять же с удовольствием отвечу на вопросы — и особенно послушаю какие-нибудь комментарии с немецкой стороны.

Маркус Эм: Большое спасибо, господин Мовчан! Я думаю, что для наших немецких гостей это был очень интересный доклад — и прежде всего было интересно услышать от вас, что российская экономика действительно стабилизировалась, что нет опасности краха экономики, например. Это именно то, что мы постоянно слышим. Такое же мнение бытует и среди политиков, которые на самом деле только и ждут, что Россия объявит себя банкротом. Но этого не произойдет, несмотря на все негативные суждения, которые мы слышим. И второй важный момент — это перспектива более тесного сотрудничества между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом, что пока остается

проблемой, которая может снова стать актуальной. Так... у тебя есть комментарии? Мы могли бы сразу... да, пожалуйста!

Надежда Арбатова: Спасибо! Надежда Арбатова, Институт мировой экономики и международных отношений. Я, к сожалению, не экономист, а политолог. Тем не менее мне было очень интересно выслушать оба доклада, и действительно, видишь огромную разницу между проблемами, которые стоят перед Германией и странами ЕС и Россией. У меня несколько тезисов: вот Андрей Мовчан сказал, что, так же, собственно, как и говорит господин Улюкаев, что дно кризиса уже пройдено. И где мы сейчас находимся, следовало из вашего...

Андрей Мовчан: Я сказал, что кризис закончился, но рецессия продолжается, то есть экономика будет сокращаться.

Надежда Арбатова: Господин Улюкаев говорит, что блоковый этап это. Вот... Но говоря о стабильности, стабильность, так же как, сказали вы, низкая инфляция, — это может быть и хорошо, и не очень хорошо. Стабильность со знаком «плохо» или со знаком «хорошо». Вот здесь, мне кажется, самое главное. Я не могу согласиться с вашей оценкой отношений России и Европейского союза. Я занимаюсь этим всю жизнь и считаю, что таких плохих отношений не было никогда. Вот здесь мы действительно достигли дна. Если смотреть сугубо с прагматической точки зрения, то избирательное сотрудничество было и между Советским Союзом и Европой и отдельными странами, и были проекты, но сегодня никто не говорит о стратегическом партнерстве. Мы об этом уже забыли. И вот мы видим разницу, и этот разрыв будет увеличиваться. Для Германии дигитализация экономики — вот эта цель, вот это направление, а для нас это ценно, и мне это немножко напоминает... я не знаю, слышали ли вы о таком «культе карго». Это культ карго — это аборигены на островах в Тихом океане, им сбрасывают из самолетов, значит, сельские продукты, и они верили, что все падает с неба, строили самолеты на земле из сучьев и ждали, когда им сбросят с неба груз. Некоторые наши экономисты напоминают мне этих аборигенов, которые сидят и смотрят, значит, откуда свалится нам такое счастье — высокие цены на нефть, на газ. И вот мы видим огромный разрыв между проблемами в европейской экономике, которые, конечно же, есть, и проблемы в нашей экономике, это несопоставимые проблемы по своей сути, по своему масштабу. Я не могу согласиться с вами в том, что санкции не имели никакого воздействия на российскую экономику. В данном случае я апеллирую к докладу Всемирного банка, который сказал, что во всяком случае три сферы были затронуты: это девальвация рубля, это ограниченный доступ к мировым рынкам капитала, это спад потребительской инвестиционной активности. Так что мне кажется, что санкции Европейского союза затронули серьезно российскую экономику, и многие (экономисты) говорят о том, что, даже когда они будут отменены, инерционное воздействие будет сказываться еще в течение двух лет. Вот мне бы все-таки хотелось услышать от вас, и мне кажется, что вот, наверное, политологи недооценивают влияние экономических факторов, объективных тенденций мировой экономики, мне кажется, что экономисты недооценивают влияние политических рисков. И вот мы смотрим сегодня, что происходит в Европе, конфликт недавний между Россией и Украиной, Brexit — все это качественным образом меняет ситуацию и в экономике. В связи с этим много у меня вот к вам вопросов по санкциям, что вы скажете? И вот нашему немецкому докладчику вполне конкретный вопрос: каковы плюсы и минусы, если они имеются, от Brexit для экономики Германии?

Маркус Эм: Да, вы сказали достаточно много, особенно относительно доклада господина Мовчана, и вопрос, который вы сформулировали в конце, был вопрос по поводу влияния санкций.

Андрей Мовчан: Ну мы же, экономисты, как раз отличаемся от политологов ровно тем, что мы, базируясь на математике, в состоянии изучать только так называемые гладкие процессы. Конечно, поэтому выстрел в Сараево остается за пределом видения экономистов, кем бы и где бы он ни был произведен. Никакой экономист не мог предсказать украинской ситуации, например. Но вот что экономисты умеют — это они умеют считать. Поэтому уже там, в 2011, 2012, 2013 годах, экономисты, в том числе я, писали об удивительной зависимости рубля от стоимости нефти, делали расчеты, делали регрессии, показывали, что рубль на самом деле — это валюта, обеспеченная нефтью, и это давало возможность там, мне скажем, в 2013 году, писать о том, что в течение трех лет нефть будет стоить где-то 60 долларов за баррель и рубль будет стоить где-то 60 рублей за доллар. Значит, три года прошло с тех пор, и нефть стоит 50 долларов за баррель, что еще пока несколько ниже, а рубль стоит немножко выше 60 рублей за доллар, что, в общем, как сказали бы физики, в точности укладывалось в теорию. Тот факт, что это в точности укладывается в теорию, а это действительно, если сделать правильные расчеты, точно укладывается в теорию зависимости рубля от двух факторов — внутренней монетарной политики и цены на нефть, говорит о том, что фактор санкций в этом уравнении не участвовал. Цена рубля на сегодня не определяется наличием или отсутствием санкций, ну в какой-то значимой существенной величине. В том смысле достаточно, на мой взгляд, как экономиста, достаточно бессмысленно рассуждать качественно, да? Мы можем говорить о том, что Россия отдавала деньги перед тем, как ей запретили брать, что российский баланс сократился на 300 млрд долларов в течение двух лет к моменту, когда России — и не России, а определенным компаниям — запретили получать деньги из-за рубежа, из этого можно было бы сделать очень условный вывод о том, что деньги все равно были не нужны. Но вот поведение рубля показывает абсолютно четко с математической точностью, что санкции никак не повлияли на финансовые рынки в стране, вот, а если мы будем двигаться дальше по санкциям и смотреть, на что они могли повлиять, в том числе и та же самая инвестиционная активность, если бы они повлияли, мы бы увидели в стоимости рубля компонент, нам ранее неизвестный. Да? Но вот этого компонента не появилось, значит, инвестиционная активность так же точно показала зависимость от нефти, но не от санкций, но технологические санкции мы, в общем, можем разобрать уже в деталях, потому что это-то как раз поддается качественной оценке, а технологические санкции в основном ударили по продукции двойного назначения, и наш, скажем, экспортный ущерб составил порядка полутора миллиардов долларов за год, что не сопоставимо с ВВП, а санкции на сложное оборудование для добычи и переработки нефти попали в период дешевой нефти, и, конечно, в России закрыты все проекты с себестоимостью нефти свыше 60–70 долларов за баррель, а в основном технологии, которые были запрещены к поставке, относятся к нефти, которая стоит дороже 90 долларов за баррель. В этом смысле наверняка частным образом в каких-то конкретных местах санкции могли на что-то повлиять, но статистически значимое с точки зрения экономики влияние равно нулю. Это вот мнение экономистов. Ну и одной фразой возвращаясь к вопросу хорошей/плохой стабильности и карго-культов, все же диалектично, да? И я первый готов подписаться под словами, что стабильность, которая приносит падение в пять процентов в год доходов населения и один-два процента ВВП, — это плохая стабильность. С другой стороны, если вы смотрите из окна президентского дворца в Кремле, то вам не видны плохие составляющие этой стабильности, вам видна только хорошая составляющая, она стабильна. Любая попытка реформ на сегодня обречена на огромные проблемы в силу того, что нет средств в стране, нет институтов,

которые могут проводить реформы, и есть достаточно мощное лобби контрреформистское среди тех, кто на самом деле определяет, как устроена власть в России. Поэтому, может быть, в каком-то смысле, по крайней мере для российской власти сегодня, плохая стабильность лучше хороших реформ, и говорил я это, в общем-то, не для того, чтобы похвалить власть или поругать. На мой взгляд, вот это как раз есть политический карго-культ, ругать власть или хвалить власть, она обходится без наших похвал. А говорил я это для того, чтобы подчеркнуть, что рано или поздно подобная стабильность заставит власть куда-то двигаться. И если реформы — это не путь, то, возможно, таким путем будет попытка интеграции с Евросоюзом, с которым мы и так бесконечно связаны и не можем при всех политических разногласиях развязать наши экономические отношения.

Маркус Эм: Большое спасибо!

Русскоговорящий участник: Paar Wörter über die Sanktionen (пара слов о санкциях). По хронологии санкций тоже отчасти видно, что Андрей скорей прав, просто потому, что санкции вводились против России, я напому, в три этапа, по крайней мере что касается валютного курса. Первое — в марте сразу после аннексии Крыма, потом в мае, апреле-мае, когда началась война на востоке Украины, и наконец, в июле-августе, секторальные самые жесткие, после того как погиб «боинг» над Донбассом. Все это время курс национальной валюты российской держался примерно на одном уровне и стал резко падать только к концу того же самого 2014 года, просто напоминаю хронологию.

Маркус Эм: Пожалуйста, вопрос по Brexit!

Ульрих Зойберт: Точно, большое спасибо за вопрос. Говоря о санкциях, я бы сделал упор на микроэкономическую перспективу — и приведу пример немецкого молочного хозяйства. Здесь речь идет о санкциях, в связи с которыми немецким фермерам стало крайне трудно экспортировать молоко в Россию. Это привело к тому, что в Германии наблюдается избыток предложения на молочную продукцию, экспортный рынок России пошатнулся — и, как следствие, в Германии произошло падение цен на молоко. В результате доходы немецких фермеров снизились, если не достигли нуля. С другой стороны, надо задать вопрос, какой эффект произвело в России отсутствие немецкого молока. Я бы исходил из того, что в России цены на молоко значительно выросли за последние несколько месяцев, лет, потому что немецкое молоко больше не импортируется. Это значит, что зачастую санкции для некоторых групп имеют очень серьезные последствия, которые, вероятно, в общей массе последствий будут незаметны, но на конкретных людях, на отдельных профессиональных группах это отражается.

Что касается Brexit: мне кажется, что самый большой недостаток на сегодняшний день кроется в неопределенности, которую породил Brexit. Пока Британия еще не подала заявку на выход из Евросоюза. Есть только результаты референдума, но в Брюссель официальная заявка не приходила. Уже несколько дней мы обсуждаем, поступит ли эта заявка вообще или же все зайдет в тупик, что было бы очень типично для Евросоюза. Если Brexit действительно должен состояться, то нужно понимать, что это событие сильно зависит от формы его проведения. Допустимо, что Англия возьмет на себя такую роль, какую взяли на себя Швейцария или Норвегия, что означает, что экспортные рынки и далее будут оставаться открытыми. Возникает также важный вопрос касательно банковского сектора, сможет ли Лондонский банк и дальше функционировать в таком виде, в каком он есть сейчас. Многие банки закрепились в Лондоне, чтобы оттуда вести бизнес по всему Европейскому союзу, и здесь мы видим возможное преимущество для Германии, что эти банки могут переместиться во Франкфурт, который наряду с Парижем

является важнейшим банковским центром в континентальной Европе и где уже есть резиденция Европейского центрального банка. Это означает, что во Франкфурте, где я в настоящий момент живу, некоторые, возможно, даже надеются на Brexit. Но я полагаю, что для остальных отраслей промышленности Германии тот факт, что Англия перестанет быть важной частью мирового экспортного рынка, будет иметь негативные последствия.

Маркус Эм: Следующий вопрос, пожалуйста!

Русскоговорящий участник 1: Спасибо! Вопрос о роли Украины вот у нас один раз прозвучал, когда говорим про интеграцию, просто чисто географически, российскую и европейскую, там между есть такое значимое, так сказать, пространство, называется Украина. И она же один из предметов или, так сказать, один из источников основных разногласий, которые привели к осложнению отношений. Мне как раз интересно, наверное, обоих докладчиков, может быть, снова спросить о потенциале, о роли украинского конфликта и о потенциале, так сказать, интеграции Украины с Европой — и, соответственно, если ли шанс в интеграционном проекте, если о нем реально можно думать, об интеграционном проекте России и Европы, попробовать разрешать украинский кризис или конфликт.

Ульрих Зойберт: Я могу попробовать ответить на этот вопрос, однако не знаю, удастся ли мне это. Основная отличительная черта Европейского союза — это добровольность членства. Мы видим это на примере Великобритании, которая может выйти из состава ЕС. Это значит, что решающим моментом является то, захочет ли Украина стать частью Европейского союза или нет. И говоря о последних пятнадцати годах, можно с уверенностью констатировать, что на Украине господствуют различные кризисы. Мы, как Европейский союз, конечно же, должны внимательно следить за тем, чтобы в составе Евросоюза не появились проблемные государства. В качестве примера я бы назвал Турцию, которая граничит с Ираком и Сирией. И в этой связи многие отвергают возможность вступления Турции в Евросоюз. Это говорит о том, я думаю, что впоследствии все будет развиваться не так, как они предлагают, и Украина может вступить в ЕС только тогда, когда будет достигнуто взаимопонимание между Россией и Евросоюзом, тогда можно будет решать конфликты, лишь после чего станет возможным дальнейшее сближение. Но пока это слишком далекая перспектива.

Русскоговорящий участник 1: Если без членства, если убрать слово «ЕС», и членство, ну, условно, Британия, выйдя из Евросоюза, не теряет уровень интеграции с ЕС, он, наверное, как-то может снизиться, но будет гораздо выше, чем у Украины. Так же как и у Норвегии, так же как и у Швейцарии и у ряда других стран. Вот вопрос, реальна ли интеграция экономическая у Украины в пространство европейское, и соответственно, вот вопрос, насколько это может помочь решению конфликта?

Ульрих Зойберт: Конфликт между Россией и Евросоюзом... Мое убеждение как экономиста состоит в том, что торговля всегда сможет привести к миру. Это очень обобщенно, но я бы не перестал на это надеяться. Основываясь на этом, можно достигнуть взаимопонимания.

Вопрос из аудитории (про мир и жадность).

Ульрих Зойберт: Мир и жадность — неотделимые понятия. По моему мнению, мир — это очень благообразно, а вместе с миром всегда приходит жадность.

Немецкоговорящий участник 1: Если можно, я коротко дополню. Я не экономист, а юрист, и с моей точки зрения, тема Украины, и прежде всего экономическая интеграция с Украиной, о которой вы говорили, не находится в списке приоритетов Евросоюза. Я также считаю, что на данный момент превалируют политика, экономические и финансовые интересы, причем однозначно. Европейский союз, с одной стороны, имеет свои внутренние проблемы, с которыми все в достаточной мере знакомы, и с другой стороны — здесь нужно трезво констатировать, — Путин достиг больших успехов, и, насколько я хорошо проинформирован, все обсуждения по поводу вступления в ЕС сведены на нет. Это означает, что не может быть предпринято никаких дальнейших шагов — и Украина застрянет на том уровне, на котором она сейчас находится. В настоящий момент я не могу себе представить, что сама Украина и дальше преследует цель экономической интеграции до тех пор, пока это не будет происходить с согласия России, пока конфликт не будет решен. И учитывая международно-правовое положение, экономическое продвижение Украины, с европейской точки зрения, будет означать также и экономические продвижение Крыма и Донбасса. Россия этого, конечно же, не допустит. Единственное, что я могу допустить, это возможные экономические зоны и т.д., но на данный момент это очень далекая перспектива.

Немецкоговорящий участник 2: Вот этого (относительно Крыма и Донбасса) мы не утверждали. Каким образом укрепление экономических отношений распространяется на Крым и Восточную Украину?

Немецкоговорящий участник 3: Потому что с европейской точки зрения Крым и Донбасс принадлежат Украине.

Немецкоговорящий участник 2: Именно поэтому существует подобная проблема, да. И поэтому существуют санкции. На востоке Украины однозначно идет война, братская война, гражданская война, неважно, как мы ее назовем, и к тому же Крым аннексирован, Крым так или иначе находится в руках России. Каким образом Евросоюз получит так называемые преференции на Крымском полуострове?

Немецкоговорящий участник 1: Я, как уже сказал, юрист, поэтому нахожусь гораздо дальше от реальности, чем вы можете подумать, но каждый международно-правовой договор, который бы сделал возможным более тесное сотрудничество между Украиной и Европой, должен был бы, с европейской точки зрения, распространяться и на Крым. Иными словами, согласно такому договору, шампанскому, производимому в Крыму, должно отдаваться такое же предпочтение, как и шампанскому, производимому в другом месте. Не могу представить, что такой сценарий может быть реализован. Все иное будет означать, что этим кооперационным договором между Украиной и ЕС я хочу сказать: Украина, ты Украина без Крыма, а может, даже и без Донбасса. Но это мы никогда не сможем прописать в договоре, по крайней мере на данный момент.

Андрей Мовчан: Ну, если можно, давайте вспомним, во-первых, да, как устроен Евросоюз? Все-таки экономическим стержнем Евросоюза, я не говорю о политическом стержне, экономическим стержнем Евросоюза является возможность северных экономик кредитовать южные и продавать им свой продукт на этот кредит. Я специально очень сильно упрощаю для того, чтобы была понятна моя мысль. Подобная система на сегодня, пережив греческий кризис и оказавшись в ситуации, когда возможных поставок продукции намного больше, чем возможностей южных стран увеличивать свой баланс, естественно, требует расширения круга взаимодействия. Это расширение круга взаимодействия идет активно, есть программа Даффа, общеизвестная, да, которая сегодня

рассматривается как одно из стрессовых направлений развития Евросоюза. Эта программа распространяется уже сегодня на Тунис и Марокко в том числе, не только на европейские страны. И конечно, та же самая Украина с 45-миллионным населением и огромным инвестиционным и конъюнктурным потенциалом не может не быть в сфере интересов Европы с точки зрения ее развития. Ситуация до 2014 года для Европы и для России была более-менее симметричной. Россия, на самом деле, тоже пыталась развивать собственную модель, значительно менее успешно за счет малого масштаба, да, но в том же направлении — создавать спутники, которых можно кредитовать и наполнять собственной продукцией. И конфликт вокруг Украины — это, конечно, конфликт не вокруг священной земли Севастополя, и не вокруг ракет НАТО, и не вокруг Януковича, или Тимошенко, или Порошенко, это конфликт вокруг того, кто будет кредитовать и кто будет поставлять свою продукцию. Удивительно, что все эти ситуации на Украине совпали фактически с изменением цены на нефть, после которого Россия пошла на самоотвод из этой игры, потому что, не имея нефтяных доходов, Россия не имеет возможности кредитовать спутники и поставлять свою продукцию. Вопрос был закрыт, российская экономическая сборная не прошла в финал. В этом смысле для России сейчас, опять же отвлекаясь от политики, я не очень силен в политике, я только как экономист знаю, что long-term вся политика сводится к экономике. Short-term она может быть какой угодно. Чисто экономически для России сейчас крайне важно выйти из этой ситуации так, чтобы успешно самой превратиться в спутник Европейского союза. Потому что нам, в отличие от ситуации 2013 года, нам самим теперь нужны деньги — и мы сами готовы на них покупать технологии и товары. А у Евросоюза не изменились потребности и желания, и в этом смысле выход Британии, которая являлась поставщиком и денег, и технологий, и товаров, никак не меняет интересов Евросоюза. Именно поэтому я думаю, что рано или поздно — и если это будет поздно, это будет вина политиков, а если это будет рано, это будет достижением экономистов — эта ситуация разрешится. Хотя бы потому, что у нас сегодня интересов с Украиной одинаковых больше, чем с Евросоюзом, нам нужно примерно одно и то же. А к вопросу юридическому... Евросоюз успешно взаимодействует с Турцией, у которой есть Северный Кипр, впрочем, и с Южным Кипром Евросоюз тоже успешно взаимодействует, а у него есть Северный Кипр. И Евросоюз прекрасно взаимодействует с Израилем, у которого есть Голанские высоты, и Евросоюз, я уже не говорю о том, как он взаимодействует с Ирландией и с Великобританией при наличии очевидной проблемы Северной Ирландии юридической, которая, кстати, встает во весь рост с возможным выходом Британии из Евросоюза. В этом смысле современные страны накопили такой богатый опыт игнорирования проблем, что, я думаю, Крым тоже в конечном итоге можно будет проигнорировать, как и Северный Кипр.

Немецкоговорящий участник 1: Если позволите, то я хотел бы дополнить. Мне понравились ваши примеры, но мне экономисты всегда говорят, что очень часто политика в конце побеждает, хотя и действует неверно, и весьма высока вероятность, что и в этот раз все произойдет именно так. И говоря о примерах, это все верно, когда-нибудь отношения зайдут в такой тупик, что будут предприниматься хоть какие-то действия. Давайте вспомним о Северном Кипре, конфликте 1974 года, и конфликте Северной Ирландии, который тоже ушел в прошлое. Если мы будем говорить о ближайших 10–15 годах, то мне кажется, что и дальше мы можем действовать по уже знакомому нам сценарию, в этом я с вами полностью согласен. Но не в краткосрочной перспективе.

Надежда Арбатова: Что касается того вопроса, который поднял коллега по Украине, вообще, соглашение об ассоциации не подразумевает автоматического членства этих стран, и ни одна из стран восточного партнерства не имеет такой перспективы на сегодняшний день. Эти соглашения были списаны с соглашений об ассоциации

стабилизации, которые заключались балканскими странами, но и там это не было прописано в каждом конкретном случае, скажем, соглашение с Хорватией, вот и я думаю, что если бы у нас понимали лучше, что соглашение об ассоциации не означает членство Украины, то, может быть, реакция была бы не такая острая, хотя, на мой взгляд, это столкновение двух региональных стратегий восточного партнерства и Европейского союза, евразийского проекта России, и я считаю, что здесь были не только экономические интересы, а прежде всего политические интересы. Потому что президент Путин, его целью с 2000 года являлось восстановление международных позиций России. Сначала он пытался это сделать через интеграцию с Европейским союзом и НАТО, это не получилось, потом он попытался сделать это через равноправное партнерство ЕС и Евразийского союза, это не получилось из-за Украины, потом он попытался это делать через антитеррористическое сотрудничество в Сирии, из этого пока что ничего не получилось, поживем — увидим. И опять же, вот поскольку я тут, наверное, единственный политолог, я хотела бы сказать, что я не могу полностью согласиться с тем, что все в долгосрочном плане решает экономика. Все, кто получил образование в Советском Союзе, помнят знаменитую ленинскую формулу о том, что политика — это концентрированное выражение экономики. Вот и в Советском Союзе, и в России — всегда все было наоборот: экономика — это концентрированное выражение политики. И нет таких жертв, на которые Россия бы не пошла во имя фундаментальных или главных политических интересов. Вот это, мне кажется, надо иметь в виду, наверное, это вносит некий такой элемент иррационального, но это, на мой взгляд, присутствует, и присутствует очень сильно в сегодняшней реальности.

Маркус Эм: Очень интересная точка зрения! Касательно вашего высказывания о том, что в России иррациональные моменты играют большую роль, то нам на Западе очень трудно в это поверить, потому что в нашем понимании рациональность должна побеждать или хотя бы в какой-то мере приживаться. Но так не должно быть всегда, и интересно, что вы говорите, что в России это изображается именно так.

Немецкоговорящий участник 2: Но госпожа Меркель сказала то же самое, что Путин, вероятно, находится в каком-то другом мире. Она это очень хорошо понимает.

Немецкоговорящий участник 1: Момент, который представляет для меня интерес с российской точки зрения, это постнефтяное время. Почти год назад я был в Абу-Даби, и они там у себя уже тоже думают о том, что можно будет делать, когда цены на нефть будут уже не такими, как сегодня, или если запасы нефти будут подходить к концу. Они там, например, основали у себя университет, который занимается исследованием возобновляемых источников энергии. У Саудовской Аравии, после того как цены на нефть сильно упали, дела идут очень хорошо, и я вот думаю, что бы такого можно было предпринять, не затрагивая нефть, чтобы укрепить экономику? И тут я бы задал вопрос, какое решение вы видите для России, что могло бы стать альтернативой для постнефтяного времени?

Маркус Эм: Очень понятный вопрос. Пожалуйста!

Андрей Мовчан: Я не знаю, может быть, Наталья Акиндинова ответит? Я, конечно, могу... это предложение, я могу ответить!

Наталья Акиндинова: Ну я как экономист хотела бы сказать, что я согласна с мнением Андрея, что в долгосрочном периоде все-таки экономика побеждает, и когда мы говорим о России, то мы не можем сказать, что мы полностью иррациональны. У нас периоды

рациональности, когда мы пытаемся проводить модернизацию, учиться у Запада, они сменяются периодами, можно сказать, иррациональности, когда мы пытаемся идти собственным путем, вспоминаем об азиатском влиянии в нашей истории, но, в принципе, если мы посмотрим на общую тенденцию развития, то все-таки Россия, она развивается, можно сказать, в мейнстриме, то есть она следует за технологическим прогрессом, за общественным прогрессом, пусть несколько своим путем, и, в общем-то, из этого следует и ответ на вопрос, что будет, когда закончится нефть, ну, это значит, что вся система стимулов, вся организация производства и общественной жизни, которая существует в России, она будет постепенно подстраиваться к этой ситуации. Уже сейчас мы видим, что в ситуации, когда нефть не закончилась, но просто цены на нее существенно упали, мы наблюдаем постепенную адаптацию экономики, но прежде всего бюджетной сферы России, которая привыкла получать растущий поток рентных доходов, свободно их распределять. Сейчас учится экономить, уже готова к замораживанию расходов, снижению потребления, то есть сейчас пока это процесс маскируется тем, что есть резервы, бюджетные резервы, они позволяют делать эту адаптацию не так резко, как она могла бы происходить. Но в принципе со временем таким образом российский бюджет может отвязаться от зависимости от нефтегазовых доходов, и, в общем-то, российская экономика тоже может постепенно отвязаться от нефтегазовой зависимости, соответственно, появятся новые возможности для производства, на основе более низких издержек, и, на наш взгляд, это будет означать и изменение политических позиций России, то есть она будет больше осознавать свою зависимость от других стран, свое место в глобальной экономике, что необходимо торговать, необходимо искать возможности для производства товаров, которые можно производить на экспорт. В период так называемого нефтяного проклятия Россия не могла практически экспортировать ничего, кроме нефти, но в период, когда нефти не будет, она будет вынуждена искать возможности производства на экспорт, и, в принципе, уже сейчас мы видим первые признаки, то есть это пока какие-то точечные позиции, но, в общем-то, здесь нет, на мой взгляд, это не будет катастрофой для России, это будет некая адаптация, прежде всего структуры экономики. И хочется еще сказать, что мнение об иррациональности российского населения тоже, на мой взгляд, оно преувеличено. И хотя в краткосрочном периоде здесь может быть определенное влияние пропаганды и каких-то таких постимперских комплексов, но не только российское население на определенных этапах своего развития от этого страдало, то есть это бывало и с другими народами, но вот в принципе российское население сейчас, на мой взгляд, достаточно буржуазно с точки зрения структуры потребления, с точки зрения моделей поведения по отношению к сбережениям, то есть оно стремится потреблять лучшие товары, стремится отдыхать в хороших местах, то есть, на мой взгляд, этот процесс будет продолжаться — и Россия, она будет в ряду таких нормальных экономик, встроенных в глобальную систему.

Андрей Мовчан: Я, если можно, добавил бы, скажем, на более макроуровне, в физике есть такое понятие, как горизонт событий. В экономике горизонт событий даже встречается чаще, чем в физике. Мы не в состоянии заглянуть за некоторое расстояние в экономике не потому, что у нас нет инструментов, а потому, что это физически невозможно. Потому что неопределенность там уже такого уровня, что никакой инструмент не померял бы, что будет. Мы только что говорили о том, что к разговору об интеграции России и Украины в ЕС — это слишком длинно, чтобы об этом говорить. Вопрос драматического падения цен на нефть, выхода нефти как основного углеводородного сырья с рынка — это вопрос как минимум тех же 10–15 лет. Давайте не будем забывать, что, если это, скажем, даже 15, а не 30–50 лет, как сейчас считают специалисты, то это уже время, когда, как мы договорились, а) интеграция Украины, России и ЕС достигнет совершенно другого уровня, б) Россия, как, вообще говоря,

авторитарно управляемая личностью страна, точно сменит своего лидера в силу просто естественных физических причин, если только американская медицина не придумает ничего кардинально нового за это время. И мне кажется, эти два фактора являются настолько определяющими, что все остальные дискуссии бессмысленны, мы не понимаем, до какого уровня дойдет эта интеграция, а мы понимаем сегодня, что эта интеграция сегодня выгодна долгосрочно и Европейскому союзу, и России, и Украине, и лидерам этих территорий тоже. Мы не понимаем при этом, как будет структурирована элита через 15 лет в России. Очевидно совершенно, что при изменении сегодняшнего баланса в тот момент, когда гвоздик, который удерживает равновесие очень сложной системы российской элиты, будет тем или иным способом выдернут Господом Богом либо обстоятельствами более прагматичными, произойдет резкое изменение, резкое реструктурирование всей системы, и как она сложится потом — мы не знаем. Да, мы знаем венесуэльский пример, когда такое реструктурирование привело к крайне левому повороту — и страна еще и не достигла точки, в которой она начнет возвращаться в цивилизованный мир. Мы видим, как это происходило в Аргентине несколько раз, и там, собственно, ни разу не реализовался венесуэльский сценарий. Мы знаем, как это происходило, с другой стороны, в Испании или как это происходило в Корее, в Южной Корее, и там это были процессы намного более безболезненные, намного более прагматичные и эффективные. В этом смысле для меня как для экономиста, в хорошем смысле этого слова, вопрос, что будет в России после нефти, не имеет никакого смысла. Потому что с экономической точки зрения это никогда, это тогда, когда Россия будет совсем другой, общий рынок будет совсем другой, это момент, когда Европа будет решать вопрос не дигитализации, а что делать с постаревшим населением, которое не может работать, но требует обеспечения социального. Через 15 лет этот вопрос будет намного важнее дигитализации экономики в Европе, это момент, когда нам придется всем решать вопрос, что делать с международной стабильностью в момент, когда система защиты от ядерного оружия обеспечивает 100%-ную защиту, а значит, ядерное оружие как фактор стабильности уже больше не работает, и я, наверное, могу назвать еще десяток подобных проблем, которых вообще нет сейчас, которые к тому времени появятся и которые будут иметь значительно большее значение и влияние на мир.

Маркус Эм: Очень интересные аспекты, которые говорят нам о том, что будет в ближайшие 15–20 лет, это был главный аргумент. Вероятно, что Абу-Даби пойдет своим путем, сможет основать соответствующий университет, например, как это уже прозвучало. А сейчас я бы хотел передать слово Ульриху Зойберту.

Ульрих Зойберт: Я бы хотел озвучить еще две идеи для размышления касательно постнефтяного времени. Первая: конные повозки исчезли не потому, что кончился овес. Это значит, что процесс нефтедобычи остановится, по моему мнению, не потому, что в Сибири закончится нефть, а потому, что вследствие развития электромобилей и т.д. потребность в нефти исчезнет. Этот момент может наступить гораздо быстрее, чем мы думаем. Мы не должны размышлять, на сколько нам еще хватит нефти, нам следует подумать над тем, как долго еще мы будем в нефти нуждаться. Вторая идея следует из книги «Почему одни станы богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты», написанной двумя американцами из Гарварда, которые исследовали, почему некоторые страны экономически лучше развиты, нежели другие. Насколько я могу вспомнить, конкретно Россией они не занимались, их больше интересовали африканские страны. Они установили, что страны, в которых экономическое развитие находится под давлением со стороны государства, где авторитарные режимы препятствуют всякой экономической активности, значительно хуже развиты по сравнению с экономически либеральными странами, где развита

предпринимательская деятельность и где гарантировано право на имущество. Пусть это даст вам почву для размышлений.

Маркус Эм: Огромное спасибо! Так, есть ли еще вопросы относительно... да, пожалуйста!

Русскоговорящий участник 2: Спасибо! Кратко касались уже этого вопроса, но вопрос к Ульриху и к Андрею: все-таки выход-невыход Англии из ЕС, сейчас много спекуляций, и непонятно, когда они задействуют эту 50-ю статью, но тем не менее, что изменится в отношении России, будут ли подвижки по поводу санкций и антисанкций, как Андрей думает и как вот немецкая сторона, что по этому поводу думает?

Ульрих Зойберт: Мне трудно связать изменения, которые возможны после Brexit, с Россией. Единственное, что мне приходит на ум, это то, что Евросоюз в ближайшие годы будет больше занят самим собой. Это значит, что внешнеполитическая интеграция будет проходить гораздо медленнее, чем раньше, потому что необходимо поставить эту организацию «на другой фундамент». Я не думаю, что Brexit окажет сильное влияние на санкции против России.

Андрей Мовчан: Это тот редкий случай, когда я полностью хотел бы согласиться с коллегой из Германии. Действительно, Brexit поставил намного больше вопросов перед Европейским союзом, чем кажется. Это не только вопрос... не только вопросы по существу, которые ставили оппоненты Евросоюза в Германии, да, и бюрократизации, и избыточной стандартизации, и половинчатости союза и так далее, и даже не столько эти вопросы, сколько вообще вопрос *credibility*, доверия к политической элите, мы видим, что британская элита катастрофически себя дискредитировала в этом процессе. Совершенно забыв о том, что делать подобные вещи можно только тихо, ни в коем случае нельзя созывать пиар вокруг собственных политических действий. И естественно, это уже сейчас видно, как с точки зрения общественного мнения это бьет как по радикально правым партиям во всей Европе, так и по лидерам Евросоюза, которых уже обвиняют в том, что они не смогли ничего сделать с ситуацией, хотя видели... и в этом отношении кредит и право на ошибку для любого чиновника Европейского союза становится радикально меньше. И поэтому любой сенситивный вопрос, любой чувствительный вопрос будет откладываться или решаться таким образом, чтобы никто не мог обвинить чиновника в неправильном действии. Это, скорее всего, настолько, насколько мы можем как экономисты предполагать действия бюрократических лидеров. Скорее всего, и внутри Евросоюза, и вне Евросоюза решения станут намного более тактическими и намного менее существенными, и в том числе санкции, которые введены сейчас против России, скорее всего, не будут отменяться просто потому, что решения об отмене санкций будут вызывать вал обвинений, которые сейчас никто из лидеров Евросоюза не может себе позволить. Да, но это, однако, не означает, что Евросоюзу не нужно будет искать новые формы, и в том числе взаимодействия вне Евросоюза, это не означает, что в течение некоторого времени короткого в Евросоюзе не проявятся новые лидеры с новой повесткой дня, терять которым нечего, поскольку они лидерами еще до сих пор не были, и поэтому они будут пытаться делать движения достаточно резкие и радикальные, чтобы заработать *credibility*, создать себе поддержку, в частности одним из таких движений может быть движение в сторону России.

Маркус Эм: Очень интересный аспект. Несмотря на то что время подходит к концу, я бы хотел еще затронуть тему, которая на данный момент в России очень актуальна, которая у нас в Германии широко освещается средствами массовой информации и которая будет

очень интересна нашей делегации. Суть этой темы в импортозамещении: российские политики приняли решение производить многие товары в России. Это в первую очередь касается сельского хозяйства, и понятие «производить у себя» я рассматриваю с угла сравнения импорта некоторых товаров. Есть ли прогресс в этой сфере, какие области наиболее успешны, или же вы считаете такую политику скорее скептической, поскольку таким образом Россия решительно пытается отстыковаться от мирового рынка — и для человека, который мыслит категориями свободной торговли, это скорее немислимо. Как бы вы прокомментировали эту проблему?

Андрей Мовчан: Эта проблематика достаточно сложная — в частности, потому, что вопрос импортозамещения можно ставить очень по-разному. Наиболее, пожалуй, характерно проявляется эта сложность в том, что в России, когда расшифровывают понятие импортозамещения, говорят об отечественном производстве товаров вместо импортного, забывая очень важное слово — конкурентоспособность. Никто не говорит о производстве конкурентоспособных товаров вместо импорта. И в некотором смысле это делают правильно, поскольку попытка импортозамещения путем сокращения конкуренции приводит к производству неконкурентоспособных товаров, и это мы, экономисты, прекрасно знаем. Мир уже достаточно образован в смысле, как создавать импортозамещение конкурентоспособными товарами, это делается путем дотирования, а не путем сокращения конкуренции с импортом. Еще одной проблемой импортозамещения в России является, конечно, инвестиционный климат. Любое импортозамещение, безусловно, требует инвестиций, Россия на начало 2014 года эксплуатировала примерно 91–92% своих производственных мощностей, при амортизации производственных мощностей примерно в размере 40%. Вообще говоря, такое соотношение говорит о необходимости массивных инвестиций в восстановительное производство мощностей, а не в увеличение производства. И в этой ситуации, конечно, то, что мы сейчас видим, а мы видим отсутствие инвестиций — и, как следствие, отсутствие увеличения производственных мощностей, и даже некоторое падение эксплуатации существующих производственных мощностей просто в связи с естественной амортизацией, не должно удивлять. Что сейчас выдается в России за импортозамещение? Первое, что выдается за импортозамещение, это продолжение затухающего тренда на резкий рост сельского хозяйства, который начался в конце нулевых, когда большие объемы нефтяных денег транслировались так или иначе в экономику и в определенных зонах, таких как производство птицы, производство определенных видов мяса, производство зерна, производство молочных продуктов, действительно начинался, а потом пошел достаточно быстрый рост, который в меньшей степени продолжается сейчас по интеграции в связи с задействованием мощностей. И росту этому, безусловно, помогает тот факт, что рубль девальвировался и большая доля составляющих себестоимость, таким образом, уменьшилась, большая, но далеко не вся. Потому что даже в том же растениеводстве Россия закупает посадочный материал практически полностью. Россия закупает удобрения, Россия закупает большое количество техники, больше половины используемой техники, Россия закупает средства консервации и переработки, Россия закупает средство транспортировки, и, пожалуй, единственное, что Россия в растениеводстве не закупает, это местный труд, местная вода, местная энергия и местная земля. В этом смысле, если посмотреть на инфляцию цен, на рост цен, чтобы быть точным, конечного продукта растениеводства, она в два с лишним раза превышает общую инфляцию. При этом если верить подсчетам статистическим, я не знаю, можно ли им верить на 100%, но если им тем не менее верить, в натуральном выражении потребление той же продукции растениеводства в России упало несколько больше, чем уменьшился импорт. Это означает, что внутренние продажи внутреннего продукта уменьшились — в частности, поэтому Россия в этом году очень много зерна продает на экспорт, что

позволило уже в том числе Улюкаеву сделать заявление о том, что Россия возвращается к стандарту Российской империи 150-летней давности, когда Россия была крупнейшим поставщиком зерна на мировой рынок. К сожалению, господин Улюкаев забывает, что все сельское хозяйство в России составляет меньше 3% ВВП. И наши гигантские успехи в сельском хозяйстве все равно будут меньше, чем сокращение ВВП в других областях. Ну и последнее, здесь важно сказать, что совершенно неожиданный, на первый взгляд, фактор, который повлиял сейчас на изменение баланса сил во внутреннем производстве, это в связи с существенным сокращением средних высокооплачиваемых рабочих мест и вообще доходов населения достаточно большой процент населения включился в малое производство. И пример маркетологов, дикторов телевидения или дизайнеров, начавших варить сыр, является массовым. Действительно, у нас появились мелкие сыроварни, пивоварни, колбасные цеха, мелкие растениеводческие хозяйства, их вклад в ВВП требует микроскопа для рассмотрения, но их вклад в занятость населения, безусловно, присутствует. Ну а чтобы завершить одной фразой, если вообще в целом говорить о промышленном импортозамещении, у нас есть отличный пример в России, нам незачем далеко ходить, это завод в Тольятти, который производил «жигули» и производит «жигули». И это было тогда, когда российский рынок был закрыт для иностранных автомобилей, и условия для импортозамещения были идеальными, и ресурсы у Советского Союза на импортозамещение были, тем не менее объем производства был таким, что советский гражданин, для того чтобы купить автомашину, должен был стоять в очереди 8–10 лет, а 1990-е годы модель, производимую на этом заводе, встретили без изменений относительно конца 60-х годов. В сущности, импортозамещение путем ограничения конкуренции всегда заканчивается именно так.

Маркус Эм: Большое спасибо! В ходе ваших высказываний вы вернулись к тому, с чего начали, и понятие конкурентоспособности в ходе вашего монолога было исключено. Игнорирование других рынков не даст нам в конечном счете технических новинок. Это скорее приведет к упадку, поскольку на рынке больше не будет конкуренции. Поэтому импортозамещением нужно заниматься осторожно.

Большое спасибо! Теперь я хотел бы дать заключительное слово Ульриху Зойберту. Мы много обсуждали дигитализацию, к чему она приведет? Дигитализация движется вперед, и все меньше людей требуется на производстве, уменьшается необходимость в рабочих местах. В то же время мы хотим перевести транспортные средства с бензомоторов на электрические двигатели, что тоже изменит принцип рабочей деятельности. Чем же тогда в будущем будут заниматься люди в Германии и Европейском союзе?

Ульрих Зойберт: Я думаю, мы не просто так говорим о четвертой индустриальной революции, которая сейчас происходит. Если можно, я приведу пример с моего места работы, где я занимаюсь страхованием. Там, например, происходит очень много изменений в связи с дигитализацией. Нам нужно все меньше людей, которые бы занимались договорами, потому что сейчас все обрабатывается в электронном виде. Думаю, что в ходе этой индустриальной революции у нас появится такая проблема, как высокая безработица. Во времена глобальной индустриализации проблему безработицы еще можно было как-то оправдать, когда наблюдался переизбыток кузнецов и ткачей в деревнях. Люди находили себе работу на фабриках, в сферах услуг. Я очень надеюсь, что мы получим пользу от четвертой индустриальной революции. Не нужно также забывать, что в будущем в наших странах, Германии и России, количество населения уменьшится. В Германии это уже происходит за счет миграционной волны. Но я исхожу из того, что это окажет только лишь временное влияние и через 10 лет мы не будем думать о том, как бы

не отправить людей туда, где нет работы, а о том, где нам найти кадры, которые в условиях дигитализации будут востребованы.

Маркус Эм: Это соотносится как раз с тем, о чем говорил сегодня Андрей Мовчан. Он сказал, что в ближайшие 10–15 лет у Европейского союза появится серьезная проблема, потому что население неумолимо стареет, а молодых кадров не так много, и этой точки зрения придерживаются оба докладчика. Позвольте вас поблагодарить за выступления и за участие, дорогие дамы и господа. А сейчас я бы поддержал приглашение Андрея Мовчана на небольшой фуршет. Наша делегация еще недолгое время будет здесь, ну а дальше посмотрим. Большое спасибо!